

— Почти все свои роли играю по 8—10 лет. Лишь про одну могу сказать, что она не моя,— Хлестаков в «Ревизоре». Я хотя и продолжал играть, все равно так считал.

— Что вы ощутили, когда вам предложили сыграть Гамлета! Это же не роль — мечта.

— Ничто во мне не затрепетало. Роль как роль. Гамлет ведь ничего не делает, ведет себя, как тряпка. Его же слова: «Мне небо сказал: «Встань и отомсти», а я изошряюсь в жалких восклицаниях и сквернословьем душу отвожу, как судомойка». Лишь когда ему говорят: «Гамлет, ты убит, тебе осталось жизни полчаса» — тогда он наконец-то закалывает короля.

— А других исполнителей этой роли приходилось видеть?

— Да. Знаменитого Эриха Марию Брандауэра. После первого действия я встал и ушел. Как вы думаете, при встрече с потусторонними силами у человека волосы дыбом встанут? Какое внутреннее состояние может быть, когда этот призрак (твой отец!) говорит, что был подло убит. «Прощай и помни обо мне». И удаляется. Потрясенный Гамлет молит: «Стой, сердце, стой, не подгибайтесь подо мною, ноги». Слезы душат, жилы рвутся! А великий Брандауэр выходит на сцену и спокойно без всякого волнения проговаривает текст. Ни единым мускулом не напрягается. Если бы я так играл, то... лучше бы я продолжал водить грузовик.

— Вы сказали, что Гамлет ничего не делает, зато другой ваш герой, Калигула, развивает бешеную деятельность, издеваясь над всеми и каждым в отдельности.

— Исторический Калигула был ничтожеством. Трон достался уродливому идиоту, трусливому шакалу. Камю взял его за основу, но описал поведение любого тирана у власти: Гитлера, Сталина...

Я вот у Светония вычитал: во время учебного боя на деревянных мечях противник Калигулы, чтобы угодить императору, нарочно поддался, а тот вытаскивал настоящий нож и зарезал его. Мог посадить на кол того, чье лицо ему не понравилось, а для пополнения казны придумал план: все патриции должны были завещать свое имущество не прямым наследникам, а императору. После составления такого завещания патриции вскоре неожиданно умирали.

— Людей в подчинении держит не диктатор, а страх!

— Конечно, но смотря где, когда и в какой стране. Калигулу, например, устав терпеть, через три года изрубили на куски. Наш умер своей

О Викторе Авилове первое время писали мало. Еще бы — такая необычная, неартистическая биография! Образование — водительские курсы. В армии служил шофером. Был монтажником, наладчиком автоматических систем, работал техником в КБ...

Сейчас на счету ведущего актера Театра на Юго-Западе не только Гамлет, Воланд, Калигула, Мольер, но и два десятка киноролей. Его «господина оформителя» и графа Монте-Кристо запомнили зрительские массы.

На родной сцене Авилову приходилось играть Ланцелота («Дракон» Е. Шварца), Ихорева («Игроки» Н. В. Гоголя), Беранже («Носороги» Э. Ионеско). А начиналось все с Кочкарева в «Женитьбе» и, как ни странно, с Дарьи Семеновны в водевиле «Беда от нежного сердца». В этой роли он повязывал голову платком, и в него, в платок, поскольку в ушах дырочки не было, пристраивал «очаровательные» серьги в виде черепа с костями. Впрочем, тогда он еще не «вышел в актеры», его должность в клубе «Гагаринец» называлась «инструктор районного отдела культуры». Он же монтировал свет и налаживал аппаратуру для каждого спектакля. Тогда все они, теперешние любимцы публики, дружно, бескорыстно, самоотверженно строили свою студию. Клуб после реконструкции и ремонта, произведенного их собственными руками, переименовали в Театр на Юго-Западе, и вся честная компания преобразовалась в труппу с режиссером В. Беляковичем и с «премьером» В. Авиловым.

Виктор Авилов:

А ЧТО ГАМЛЕТ? РОЛЬ КАК РОЛЬ

смертью, хотя терпели мы его в десять раз дольше.

— Вы сменили столько нелегких профессий, к какой категории сложности относите актерскую!

— К самой трудной. Вот, например, работал я в НИИ, там как? Устал — вышел, покурил. Или — еду на МАЗе, чувствую: вымотался, засыпаю — остановился, в кабине послал немножко, сам себе хозяин.

В театре хотя ты еле ноги волочишь, за сердце держишься, нервы сдают — ничего это не интересно: начало в 7 часов — будь добр! Тебя сегодня вечером нет, зрителям ты со своими болячками не интересен, им нужен герой Чехова, Шекспира, Булгакова.

Чтоб я когда-нибудь раньше после работы думал о схемах, километрах, горючем? Или о том, что мне предстоит сделать завтра? Да никогда! Мне есть с чем сравнивать, и говорю уверенно: актерская профессия тяжелая. И физическая, и психологическая.

— И зависимость к тому же.

— Вы знаете, в нашем театре свою зависимость я не чувствую, у нас полное взаимопонимание и с режиссером, и с актерами. Иногда возникает легкий спор, например, Белякович мне говорит: — Вить, нужно так.

— Нет, Романыч, нужно по-другому.

— Вить, подумай, так лучше. И я соглашаюсь, верю, что если даже в данный момент я чего-то не понимаю, то дойду до этого через неделю. Я знаю: прежде чем приступить к постановке, Валерий долго вынашивает замысел, взвешивает так и этак, и это его замысел.

— Ваш театр часто бывает на гастролях, как там вас принимают!

— Мы только что вернулись из Чикаго. Первые спектакли — зал заполнен примерно на три четверти, потом зрителей больше, больше, а под конец к нам невозможно было попасть. Тамешний устроитель продал

все приставные стулья и просто плакал оттого, что еще столько желающих купить билет, а сажать некуда! Чикагский университет, где мы играли, — это отдельный город со своей полицией, пожарной командой, автобусными маршрутами. И вот к зданию театра подъезжают огромные «кадиллаки», выходят джентльмены в смокингах, с ними дамы в вечерних платьях с бриллиантами, а им говорят: увы, билетов нет.

— Вы играли на английском!

— Иес, оф кос! Для чеховского спектакля мы все выучили свои роли на английском. Нам это помогло и в общении, некоторые конструкции языка

можно применять в обиходе.

— А наши эмигранты приходили на спектакли!

— Ой, я к ним так плохо отношусь! Я не имею в виду тех, кто уехал по политическим соображениям, кого вынудили, а вот этих, новых, которые едут за хорошей жизнью. Они люди определенного склада. Я с ними стараюсь не общаться: все разговоры сводятся к тому, что у него теперь квартира, машина, и все это с таким превосходством. Там это все можно на пособие по безработице иметь. Чем хвастаться? Уровень-то у него ниже среднего.

— У вас очень необычное лицо. Вас узнают на улице!

— Да. Подходят и задают один и тот же вопрос: «Это вы?». Дальше по-разному. Я никогда не отказываю в автографе. Помню, ребята подошли, по карманам себя похлопали, ничего не нашли и с надеждой протянули мне бутылку водки — ладно, я расписался на этикетке. Больше всего таких уличных встреч было после «Графа Монте-Кристо».

— Этот фильм приключенческий, а на съемках были какие-нибудь приключения!

— Не знаю, разве что пожар в кабачке. К съемке этого эпизода долго готовились. Каскадеры все точно рассчитали, пожарники распределились на площадке. Подождли. Пламя охватило все здание. Режиссер с ассистентом, радостные, подскочили к оператору:

— Ну что, классно горело?

— Здорово!

— Ты проверил, герой все время был в кадре, не выпал?

— Кто выпал? Команды «мотор» не было, я и не включал камеру.

Потом пришлось по эскизам все восстанавливать и заново поджигать.

— Вы хотели бы еще сниматься!

— И снимать. Хочу снять «Калигулу». Года три назад я приступал к работе, закупил пленку, приобрел камеру, художник сделал макет, я арендовал павильон. В Перми договорился насчет арматуры, в Ташкенте — насчет шелка. И все лопнуло, наткнувшись на одно единственное слово — «инфляция». Я за ней не успевал. Смета росла быстрее, чем строился макет. Я отступил. Но мечта осталась.

— Весь мир знает Калигулу Макдауэлла. Ваш Калигула выдержал ли бы такую конкуренцию!

— Я готов посоревноваться хоть сейчас. Взялся бы играть в очередь с любым актером, одну и ту же роль. И посмотрим, кто кого? Пусть решают зрители, им я верю безоговорочно.

Татьяна ПЕТРЕНКО.

